

Отзыв

официального оппонента на диссертацию

Бусарева Ивана Алексеевича

«Рязанский митрополичий дом в XVII веке: просопографическое исследование», представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. — Отечественная история

Диссертация Ивана Алексеевича Бусарева посвящена изучению светских служителей Рязанского архиерейского дома — детей боярских и приказных людей — на протяжении периода со второй половины XVI до начала XVIII в. Тема исследования представляет несомненный научный интерес, поскольку история светских архиерейских слуг до сих пор оставалась одним из наименее изученных направлений в отечественной историографии. Как справедливо отмечает автор, история служилых людей в составе Рязанского архиерейского дома как самостоятельная проблема в науке не разрабатывалась.

Актуальность темы обусловлена возрастающим в современной исторической науке интересом к истории церковных институтов и их социально-административных структур, а также к социальным группам, находившимся на периферии служилого сословия Московского государства. Изучение светских служителей Рязанского архиерейского дома позволяет не только расширить представления о социальной структуре того времени, но и вписать региональный материал в более широкий контекст истории русских архиерейских домов.

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения и списка источников и литературы. Структура работы логична и продумана, позволяет автору последовательно рассмотреть эволюцию исследуемой социальной группы в хронологической последовательности, а затем перейти к тематическому анализу её материального положения и служебной деятельности

Хронологические рамки (конец XVI — начало XVIII в.) обоснованы. Территориальные рамки определены границами Рязанской архиерейской кафедры в XVII в. Целью работы заявлена «реконструкция коллективной биографии светских архиерейских служителей (детей боярских и приказных) в Рязанской епархии в XVII в.» (с. 14). Для её достижения поставлен ряд задач: определение процессов изменения состава и численности, выявление отдельных групп детей боярских, изучение земельных владений, определение служебных обязанностей, установление состава приказных служителей и анализ судебных дел. Постановка задач соответствует содержанию глав, а методы решения — просопографический, сравнительно-исторический и системный — адекватны материалу.

Историографический обзор во введении занимает значительный объём и выполнен добросовестно. Автор прослеживает изучение темы от работ Т. Я. Воздвиженского 1820-х гг. и А. Н. Пискарева 1854 г. до современных исследований. Анализ историографии охватывает как труды по Патриаршему двору (М. И. Горчаков, Н. Ф. Каптерев, И. А. Устинова, Е. Ю. Люткина), так и работы по отдельным архиерейским домам — Вологодскому (Н. В. Башнин, Д. Е. Гневашев, М. С. Черкасова), Тверскому (А. В. Матисон), Тобольскому (И. А. Никулин, Н. С. Харина), Ростово-Ярославскому (А. Е. Виденеева), Казанскому (И. М. Покровский), Великому Устюгу (М. С. Черкасова). Отдельно выделены немногочисленные труды, непосредственно касающиеся Рязанского архиерейского дома: работы С. Е. Зверева, А. П. Доброклонского, И. И. Проходцова, Е. Ю. Люткиной. Обзор демонстрирует глубокое знание автором как дореволюционной, так и современной историографии. Вывод автора о том, что «в немногих исторических трудах затрагивались лишь отдельные стороны деятельности рязанских архиерейских детей боярских и приказных» (с. 22) справедлив. Однако отметим, что И. А. Бусареву остались неизвестны работы Б.

Д. Грекова, опубликованные в ЛЗАК, и труды Я. Е. Водарского, в которых собраны сведения о вотчинах епархий в конце XVII – начале XVIII в.

Методологическая основа исследования требует отдельного внимания. Автор обоснованно выбирает просопографический метод, ссылаясь на замечание Н.В. Рыбалко о его важности «в тех случаях, когда существует проблема полноты информации об общественных явлениях вследствие ограниченности источниковой базы» (с. 18). Это тем более актуально, что, как признаёт сам диссертант, «полный архив Рязанского архиерейского дома XVI–XVII вв. до настоящего времени не сохранился» (с. 30), а выявленные источники «находятся в составе разных архивных собраний в Москве, Санкт-Петербурге, Рязани, Воронеже и Тамбове» (с. 30). Сравнительно-исторический метод последовательно применяется автором при сопоставлении рязанских данных с материалами по Тверскому, Вологодскому, Казанскому, Новгородскому и Патриаршему домам.

Одна из главных заслуг диссертанта — «компенсация» утраченного архива Рязанского архиерейского дома за счёт выявления разрозненных материалов в пяти архивохранилищах: РГАДА, Архиве СПБНИИ РАН, Государственном архиве Рязанской области, а также в архивах Воронежа и Тамбова (с. 27–29). Автором впервые введены в научный оборот документы из фонда Муромского митрополичьего двора (РГАДА. Ф. 1433), грамоты Коллегии экономии (РГАДА. Ф. 281), столбцы Разрядного и Поместного приказов. Особую ценность представляет использование Записных книг Духовного приказа Рязанского митрополичьего дома 1660–1670-х гг., обнаруженных А. А. Севастьяновой в ГАРО и опубликованных в 2023 г. под редакцией В. Н. Козлякова при участии самого диссертанта (с. 27). Как справедливо отмечает автор, «благодаря Записным книгам удастся установить достаточно полный состав детей боярских и приказных служителей Рязанского архиерейского дома на протяжении 60–70-х гг. XVII в., выяснить их служебные обязанности,

положение, конфликты и иные обстоятельства их служб и частной жизни» (с. 27). Однако замечу, что диссертант не пишет о том по какой причине/причинам был утрачен, очевидно, обширный архив Рязанского архиерейского дома. К тому же источники не делятся на опубликованные и неопубликованные.

Первая глава открывается детальным анализом сотной грамоты 1567/68 г. — ключевого источника для реконструкции состава архиерейского двора в середине XVI в. Автор устанавливает имена 153 архиерейских детей боярских, относившихся к 80 фамилиям (с. 37). Далее диссертант подробно разбирает верстальную десятню 1604 г. — «единственный документ, отражающий численный состав детей боярских Рязанского архиерейского дома в начале XVII в.» (с. 49). В § 1.3 автор показывает, что «за 24 года, прошедших с момента верстания, архиерейский двор пополнили 33 новые фамилии детей боярских» (с. 65), и констатирует: «процентный состав детей боярских в составе архиерейского двора обновился на 80%» (с. 65). Итоги главы однозначны: «Состав и численность детей боярских в составе архиерейского дома постоянно уменьшается со 153 в 1567/68 гг. до 30 в 1638 г.» (с. 67). Автор выявляет два ключевых фактора снижения — опричные конфискации и верстание на государеву службу.

Вторая глава начинается с исследования уникального явления — князевских детей боярских села Князево Займище Рязанского уезда. Автор выявляет, что эта группа была «поверстана из крестьян домово́й вотчины рязанского владыки» (с. 70) не позднее 1614/15 г. По словам архиепископа Моисея, «дети боярские устроены из тех домовых вотчинных тяглых крестьян» (с. 70). Оброк составлял «четыре пшеницы и ведро вина с каждого человека» (с. 70). Двойственный статус князевских детей боярских — одновременно на государевой службе и в составе архиерейского дома — описан обстоятельно. В 1648 г. они «покинули состав архиерейского дома и перешли на государеву службу в Козлов» (с. 79). Рассматривая вторую половину XVII в., диссертант

признаёт, что «рязанские архиерейские дети боярские по-прежнему редко попадали на страницы источников» (с. 79). Тем не менее, благодаря записным книгам Духовного приказа, удаётся установить численность «на уровне 70 человек» в 1660–1670-е гг. (с. 96). Сравнение с писцовыми книгами 1620-х гг. показывает обновление состава: «в период 1640–1650-х гг. произошло обновление состава архиерейских детей боярских, результатом которого стало пополнение архиерейского двора представителями 24 новых фамилий» (с. 96). Раздел о периоде пребывания на кафедре Стефана Яворского (§ 2.3) фиксирует финал: «податная реформа Петра I завершила историю детей боярских в Рязанском архиерейском доме» (с. 98).

Третья глава посвящена землевладению. Диссертант подробно анализирует распределение поместий по восьми станам Рязанского уезда. Таблица 1 (с. 101) наглядно показывает, что из 156 населённых пунктов архиерейской вотчины 91 находился в поместьях детей боярских (с. 102). Автор прослеживает утрату земельных владений. И, замечу, не высказывает своего мнения о причинах утраты земель в опричнину. Главный вывод главы – «начиная с 1620–1630-х гг., поместное землевладение рязанских архиерейских детей боярских перестаёт существовать. В их собственности остаются только дворовые владения в Переяславле-Рязанском и в нескольких населённых пунктах Каменского стана» (с. 136–137). Автор устанавливает, что «из-за нехватки поместных земель поверстанные на место ушедших на государеву службу дети боярские переводились с поместной на кормовую систему с выделением им жалованья и дворов в архиерейской слободе» (с. 137). Анализ дворовых владений в Переяславле-Рязанском (§ 3.2, 3.3) показывает, что во второй половине XVII в. дети боярские практически перестали владеть дворами в архиерейской слободе (с. 137), а их владения «переносятся в другие части города» (с. 137).

Четвёртая глава — наиболее объёмная и, пожалуй, наиболее интересная часть работы. Автор устанавливает, что приказная система в рязанском владычном доме сложилась к 1620-м гг. (с. 203). И. А. Бусарев отмечает, что «приказные люди, дьяки и стряпчие назначались из архиерейских детей боярских, в то время как в подьячие назначение происходило из представителей нижних слов владычного дома» (с. 198). Раздел о службах (§ 4.2) показывает, что «в обязанности рязанских архиерейских детей боярских входила воинская служба в полках, сторожевая служба (с 1571 по 1648 гг.), служба в приказчиках и десятильниках, управление архиерейскими вотчинами, участие в судопроизводстве в качестве судей и приставов, опись монастырей, выполнение функций на приказных должностях» (с. 203). Раздел о судебных делах (§ 4.3) опирается прежде всего на Записные книги Духовного приказа и содержит живые, конкретные сюжеты — от имущественных споров до дела о «демонских ликах», в котором был замешан подьячий Тимофей Внифантьев (с. 198).

Заключение диссертации подводит итоги исследования. Основной вывод: «эволюция этой группы служилых людей шла в тесной связи с процессами на территории всего государства» (с. 204). Автор констатирует, что «численность архиерейских детей боярских постоянно снижалась», причём «основными причинами, повлиявшими на уменьшение их состава, стали внешние факторы, заключающиеся в проведении опричных земельных конфискаций и верстании архиерейских детей боярских на государеву службу в начале XVII в.» (с. 201). Выявлено, что «масштабное обновление происходило путем верстания в дети боярские представителей нижних чинов архиерейского дома» и «к концу 1620-х гг. состав детей боярских изменился на 80%» (с. 201). В части земельных владений констатируется, что «в середине XVI — начале XVII вв. архиерейский дом лишился большого количества вотчинных земель» (с. 203), а «к концу 1630-х гг. в составе архиерейского дома поместных детей боярских не было» (с. 137). В отношении князевских детей боярских подчёркивается, что «такая

обязанность была возложена только на детей боярских Рязанского архиерейского дома и не известна в других владычных домах» (с. 202).

Отметим сильные стороны диссертации. *Первое* и главное — новизна постановки проблемы. Рязанские архиерейские дети боярские как самостоятельный предмет исследования до И. А. Бусарева не рассматривались. Автор впервые реконструировал коллективную биографию этой группы, проследив её эволюцию на протяжении полутора столетий. Вывод о снижении численности со 153 до 30 человек, подкреплённый анализом шести видов источников, представляет собой надёжно обоснованный результат. Выявление уникальной группы князевских детей боярских, поверстанных из крестьян, — значимый вклад в изучение социальной мобильности в XVII в. Реконструкция приказной системы Рязанского архиерейского дома с определением её структуры и хронологии формирования (к 1620-м гг.) — ещё один конкретный вывод.

Во-вторых, широта источниковой базы. Автор проявил источниковедческую аккуратность: например, при работе с публикацией мерной книги Переяславля-Рязанского 1696 г. он сверил её с неопубликованным оригиналом и обнаружил неточность — факт смерти сына боярского Бориса Носова, не отражённый в публикации (с. 86). Подобная скрупулёзность — принципиально важна для историка. *Третья* сильная сторона — методологическая корректность. Просопографический метод применён последовательно: автор собирает максимально возможные данные о персональном составе, сопоставляет списки разных лет, прослеживает судьбы отдельных фамилий. Биографические справки по родам Тереховых, Коротневых, Ремезовых и другим — конкретны и документированы. *Наконец*, подчеркнем выполненный анализ приказной системы и судебных дел. Диссертант не ограничивается перечислением должностей, а показывает их иерархию, функционал и динамику. Разбор дела о «демонских ликах» с

участием подьячего Тимофея Внифантьева — образец микроисторического анализа в рамках просопографического исследования.

Теперь сделаем несколько критических замечаний. Первое и наиболее очевидное — отсутствие картографического материала. В третьей главе диссертант детально анализирует распределение поместий архиерейских детей боярских по восьми станам Рязанского уезда, приводит таблицу с разбивкой по станам, описывает утрату владений в конкретных станах, локализует сёла и деревни. Однако в работе нет карты или схемы размещения земельных владений. Даже простейшая схема Рязанского уезда с обозначением станов и выделением территорий, где концентрировались поместья архиерейских детей боярских, существенно повысила бы наглядность и убедительность выводов. Попытка картографирования земельных владений помогла бы также проверить и уточнить выводы о территориальной концентрации поместий.

В диссертации отсутствуют сводные просопографические таблицы в приложении. Работа заявлена как просопографическое исследование, но её аппарат не содержит итоговых таблиц-справочников по персональному составу детей боярских с указанием источников, дат упоминания, служебных должностей и земельных владений. Также недостаточно разработаны социальные связи детей боярских. Автор реконструирует служебные биографии, но редко выходит за их пределы. Матримониальные связи, родственные союзы, покровительство — всё это остаётся на периферии. Между тем для просопографического исследования анализ социальных сетей — естественное продолжение. В частности, род Тереховых, представленный четырьмя поколениями на архиерейской службе (с. 86), заслуживает генеалогической схемы с указанием брачных связей. Заметим, что А. В. Матисон в статье об искажениях родословных архиерейских служителей (*Матисон А. В. Искажения родословных потомками архиерейских служителей при утверждении в потомственном дворянстве // Вестник архивиста. 2019. № 2.*

С. 572–582) ставит проблему верификации генеалогических данных. И. А. Бусарев реконструирует родословия нескольких фамилий (Тереховы, Коротневы, Ремезовы), но не обсуждает надёжность генеалогических реконструкций и возможность фальсификаций в родословных, что было распространено среди потомков архиерейских служителей, стремившихся доказать дворянское происхождение в XVIII в.

Отметим — терминологическую непоследовательность. Автор использует термины «архиерейский дом» и «архиерейский двор» как синонимы (с. 7), следуя за А. И. Алексеевым и Б. Н. Флорей, однако в историографии эти понятия иногда различаются. Термин «дети боярские» применяется к группам разного социального статуса — от потомственных служилых людей до князевских, поверстанных из крестьян, и хотя автор это оговаривает, понятийная граница между ними иногда размывается. Использование термина «огосударствление» (с. 56) — удачно, но он вводится без теоретического обоснования.

Раздел диссертации, посвящённый периоду нахождения на кафедре митрополита Стефана Яворского, остаётся непропорционально кратким. Автор устанавливает, что в начале XVIII в. «известно всего несколько детей боярских» (с. 88), и описывает реформы Петра I, в частности указ 1707 г. о проведении смотра светских церковных слуг (с. 92–93). Однако последствия этих реформ для рязанских архиерейских служителей показаны бегло: сообщается лишь, что «податная реформа 1719–1724 гг. завершившая их историю в составе Рязанского владычного дома» (с. 201). Не анализируется, какая часть детей боярских была записана в подушный оклад, какая — переведена на государственную службу, а какая — осталась при архиерее.

Укажем на стилистические шероховатости и некоторые вопросы, возникшие во время чтения диссертации. В тексте встречаются повторы, избыточные оговорки типа «следует отметить, что», «необходимо

подчеркнуть», «важно», «довольно подробно», «можно смело отнести». Не ясно, почему не использована публикация окладных книг по Рязанской епархии (Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / Сост. А. И. Цепков. Рязань, 2004). Автор пишет, что «несколько актов по истории Рязанского архиерейского дома XIV–XVI вв., содержащихся в копийной книге XVIII в., были изданы Б. Н. Морозовым до ее исчезновения» (с. 24). Что значит исчезновение копийной книги? Нет сведений о денежных окладах архиерейских детей боярских, хотя прихода-расходные книги частично сохранились. Титул митрополита или архиепископа пишется с заглавной буквы, так как это владетельная часть титула (рязанский митрополит, но митрополит Рязанский), зачем помещать в кавычки типичное для XVII в. имя – Нехороший. Рязанский архиерейский дом фигурирует то с заглавной, то с прописной, хотя это учреждение; к тому же нужно определиться это митрополичий дом или архиерейский? Согласно документам, был ли это дом Успения Богородицы? Какой храм был кафедральным? Заметим, что нумерацию сносок лучше было бы сделать по главам.

Несмотря на все перечисленные замечания, диссертация И. А. Бусарева представляет собой серьёзное, самостоятельное и научно обоснованное исследование. Её главные выводы — о динамике численности архиерейских детей боярских, о существовании уникальной группы князевских детей боярских, о формировании приказной системы к 1620-м гг., о переходе с поместной на кормовую систему — опираются на широкий круг источников и аргументированы. Работа вписывает рязанский материал в общероссийский контекст и заполняет существенный пробел в историографии.

Основные положения и выводы диссертационного исследования И. А. Бусарева нашли отражение в 8 публикациях автора, в том числе в пяти статьях в научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией

Министерства науки и высшего образования РФ и одной книги – монографической публикации исторических источников. Автореферат и публикации полностью отражают содержание диссертационного исследования, оформление работы выполнено в соответствии с установленными правилами.

Таким образом, диссертация Бусарева Ивана Алексеевича «Рязанский митрополичий дом в XVII веке: просопографическое исследование» полностью соответствует пп. 9–11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, с последующими изменениями), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор достоин присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Официальный оппонент:

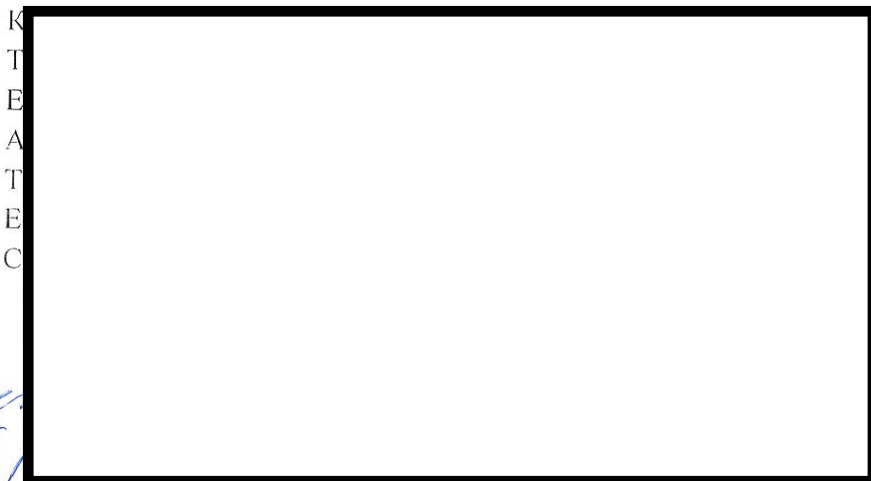
доктор исторических наук (специальность 5.6.1. – Отечественная история), доцент, заведующий Отделом средневековой истории России федерального государственного бюджетного учреждения науки «Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук» (ФГБУН СПбИИ РАН)

Башнин Никита Викторович

подпись

21 сентября 2026 г.

д. 7

11

Подпись
Зам. дирек
по науке

аян
21.09.2026